

Вестник
ЦЭМИ

1

2022

Herald of CEMI. 2013-2022

ISSN 2658--3887

URL - <http://arxiv.gaugn.ru>

All right reserved

Issue 1 Volume 5. 2022

ISSN 2658-3887
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № 77-43027 от 05.09.2018 г.

Economic development and its dependence on out-of-economic factors

Nikolay Selishchev

CEMI RAS

Moscow, Nakhimovskiy prospekt, 47

Abstract

The paper tries to analyze situations, when economic development depends on out-of-economic factors – migratory, demographical, military and others. It is studied interdependence of mentality and economic policy, conceptions of academician Fernand Braudel about «centuries-old cycles» and of academician Th. I. Uspensky about «leaps» of development, conceptions of academician V. O. Klyuchevsky, professors S. Y. Lourie and M. I. Rostovstev (Rostovtzeff), which contradict conception of Max Weber. It is marked the significance of Byzantine institutional traditions in Russia. It is proved cyclic recurrence of institutional and technological development.

Keywords list (en): «centuries-old cycles» of development, «leaps» of development, Byzantine's heritage in Russia

Date of publication: 27.04.2022

Citation link:

Selishchev N. Economic development and its dependence on out-of-economic factors // Herald of CEMI. – 2022. – V. 5. – Issue 1. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s265838870019753-1-1/> DOI: 10.33276/S265838870019753-1

1

1. Постановка задачи

2 В статье поставлена задача сопоставить концепции исторического развития Фернана Броделя, Ф. И. Успенского, В. О. Ключевского, С. Я. Лурье, М. И. Ростовцева и Макса Вебера, описать их подходы к трактовке национального менталитета и институциональных особенностей, влияющих на экономическое развитие. Также поставлена задача несколько сузить сферу применения концепции Макса Вебера и показать, что недооценка им

византийского влияния на развитие России была серьёзной ошибкой.

3

2. «Многовековые циклы» по Ф. Броделю и «скачки» развития по Ф. И. Успенскому

4 Фернан Бродель (1902–1985), знаменитый французский историк экономики, член Французской Академии и почётный доктор многих университетов мира, изучал историю материальной культуры, сельского хозяйства, миграций, устойчивых торговых путей, вопросы антропологии, демографии, филологии и мышления. В данной статье мы анализируем две книги Броделя, вышедшие в России в русском переводе с разницей в год (1994 и 1995).

5 В советские годы сходной тематикой занимались в рамках специального предмета «историческая география» – он не касался истории географических открытий, а изучал устойчивые торговые пути, экспорт, импорт в прошлые века и т. д.

6 В дореволюционную эпоху особое внимание истории экономики уделял Василий Осипович Ключевский (1841–1911), академик (1900 г.) и почётный академик (1908 г.) Петербургской Академии Наук. В числе его работ есть и статья «Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам (материалы для истории цен)». Под «нынешним» рублём Ключевский подразумевал «нынешний кредитный», имевший официальный серебряный стандарт. Задачей своей работы Ключевский считал попытку «хотя бы с приблизительной точностью» разрешить «один специальный вопрос, который ложится поперёк дороги всякому исследователю, предпринимающему изучение экономического быта России в минувшие века: этот вопрос состоит в определении рыночной стоимости, или менового значения, старинных наших денежных единиц сравнительно с нынешними». Ключевский пришёл к выводу, что рубль 1500 г. стоил «не менее» 100 «нынешних» рублей, рубль 1601–1612 гг. равнялся 12 «нынешним», а рубль 1741–1750 гг. – 9 «нынешним» (Ключевский, т. VIII, с.59–119).

7 Бродель также особое внимание уделял изменению стоимости валют и связи этих процессов с развитием (упадком) государств, пытался понять характер народов, например, считал мореходами и финикийцев, и древних венетов Галлии, а кельтов – не мореплавателями. Кельты, по Броделю, были лишены «долговременных политических целей», но проявляли «слепую храбрость». Бродель отмечал, что античность от Средневековья, а Средневековье от Нового времени отделены лишь «искусственной границей» – теми или иными датами. Стремясь выявить причинно-следственные взаимосвязи, он рассматривал «...совместное действие множества сил, случайностей, эволюционных моментов и исторических успехов».

8 Не претендуя на универсальность, Бродель предложил понятие «многовековых циклов», которые действовали от античности до Нового Времени. По сути, сходную идею выдвинул британский археолог Барри Канлифф, которого цитирует Бродель: «Всё, по его мнению, случилось в результате давнего происшествия: в XII веке до н. э. набеги дорийцев и таинственные злодеяния «морских народов» привели к внезапному краху лучезарной эгейской цивилизации, которая превратила пространство от Средиземного моря до Леванта, от Египта до Греции и хеттской Малой Азии в удивительный центр культурных и торговых обменов, простирающий свои ответвления очень далеко. Вообразите себе потайной фонарь, каким браконьеры ночью улавливают вдали шевеление дичи. Потайной фонарь гаснет. Центральной Европе, лишённой его света, пришлось жить самой, за счёт собственного освещения, используя свои достижения – примерно так же, как после великих вторжений

варваров два тысячелетия спустя, в V веке н. э.» (Бродель, 1995, с. 13, 41–46, 50, 53, 61).

9 Поясним, что сэр Барри Канлифф – ныне здравствующий (род. в 1939 г.) почётный профессор археологии Оксфордского университета, с 1979 г. – академик Британской Академии, специалист по кельтам, римской и англо-саксонской Британии, греко-римскому влиянию в Средиземноморье ([>>>>](#), [>>>>](#)).

10 Бродель, взяв за основу идею Канлиффа, отстаивал междисциплинарный подход в экономических исследованиях и ввёл понятие «цикла» одновременно в экономическом, демографическом и институциональном развитии. Бродель считал, что в раннем Средневековье, в 850 г., «очень долгий цикл» достиг своей «вершины», а затем стал «неуклонно двигаться к концу». Последующее «нисходящее движение» продолжалось примерно до 1000 г., когда, вероятно, постепенно начался «новый цикл». Явственно он обозначился около 1100 г. – «...погода в западной экономике изменилась, и барометр долгие века будет показывать «ясно».

11 В то же время внезапная эпидемия чумы (или «Чёрной смерти») в середине XIV века, в 1347–1351 гг., поразившая всю Европу, привела к огромной смертности. Это совпало и с бедствиями Столетней войны между Англией и Францией (1337–1453 гг.), с голодом из-за ряда суровых зим, с хаосом и безвластием, долгими кровавыми междоусобицами во Франции между герцогами Бургундскими и графами д'Арманьяк.

12 В итоге население Франции катастрофически сократилось. Если в 1328 г. оно достигло огромной цифры в 20–22 млн человек, то к 1450 г. «...эта цифра уменьшилась по крайней мере на 10 млн». К той эпохе Бродель применял термин «нисходящая кривая», отметив, что «экономический спад начался раньше, чем эпидемии», т. е. в 1315 г., в то время как чума обрушилась на Францию только в 1347 г. Распашка новых земель и наступление на леса прекратились ещё раньше – около 1230–1320 гг. (в разных областях – в разные годы), что привело к экономическому застою, а «производительность труда в сельском хозяйстве достигла потолка». Смертность из-за чумы резко увеличивала новые браки среди выживших вдовцов и вдовиц – Бродель собрал интересную статистику за 1349 г. Междоусобицы между бургуньянами и арманьяками тоже истребляли население, например, при взятии бургуньянами Парижа в 1418 г. Возможно, что в середине XV века население Франции всё-таки превышало показатели начала IX века – при императоре Карле Великом. Тем не менее, XV век необходимо признать значительным «шагом назад» в общем развитии Франции. Только около 1450 г. начинается «возвращение к миру-экономике», хотя нехватка наличной монеты, неожиданные и частые изменения обменного курса золота по отношению к серебру, падение цен на пшеницу проявляются по всей Европе – как «одни и те же признаки кризиса» (Бродель, 1995, с. 115, 139–145, 211).

13 К сожалению, советские медиевисты, пребывая в узких рамках классового подхода, зачастую игнорировали демографические и финансовые факторы, ход военных действий, перемены дипломатических союзов, развитие институтов власти во время Столетней войны, уделяя основное внимание эпизодам классовых противостояний, например, восстанию, известному как Жакерия, во Франции в 1358 г. Академическая «Всемирная история» посвятила Жакерии три страницы, выдержанные в патетическом тоне: «Жакерия была одним из наиболее ярких проявлений ожесточённой классовой борьбы, особенно обострившейся в стране в XIV веке...». Главная причина поражения восстания – «...отсутствие класса-гегемона, который сумел бы встать во главе крестьянства и повести его на борьбу» (Всемирная история, т. III, с. 642–645).

14 Действительно важным событиям, когда Франция переломила в свою пользу ход Столетней войны, были посвящены лишь две строки во «Всемирной истории»: «Вскоре французская армия одержала ряд побед над англичанами. К концу царствования Карла V (1380 г.) в руках англичан осталось только 5 приморских городов: Кале, Брест, Шербур, Бордо и Байонна» (т. III, с. 646).

15 Бродель, верный своей концепции «многовековых циклов», напротив, обращал внимание на сочетание политических и военных случайностей с закономерностью. Он

считал: «Как уже сказано выше, будучи стиснутой между морем и сушей, Франция отдавала предпочтение суше... В те времена [в XIII веке. – Н. С.], если не считать Нормандии, во Франции не было сколько-нибудь многочисленного населения, привычного ходить в море. Не оттого ли спустя век, в начале войны, получившей имя Столетней, французы сразу же проиграли англичанам сражение при Слейсе (24 июня 1340 г.) и тем самым утратили бесценно важное для них господство на море – а в результате этой катастрофы Франция оказалась беззащитной против высадки англичан?» (Бродель, 1994, с. 285).

16 Это морское сражение у приморского городка во Фландрии по-английски называется The Battle of Sluys, по-французски иначе – La bataille de l'Écluse. Выводы Броделя подтверждали знаменитый английский историк XIX века Джон Ричард Грин и современный английский историк Десмонд Сьюард.

17 В битве при Слюи в 1340 г. французский флот в 200 кораблей был уничтожен, погибло 20 тысяч французов, исход сражения определило «искусство английских моряков» (Грин, 1891, т. 1, с. 323).

18 Д. Сьюард отмечает, что в течение сорока лет французской королевской судостроительной верфью занимались эксперты-генуэзцы. В 1340 г. генуэзские моряки-наёмники и кастильцы-союзники входили в состав французского флота, которым командовали два адмирала – оба не моряки. При огромной численности личного состава флота (20 тысяч человек) лишь 550 человек были профессиональными рыцарями и арбалетчиками, а остальные – насильно набранные рыбаки и портовые грузчики.

19 Типичным английским судном был так называемый «ког» (cog) – торговый корабль обычно небольшого водоизмещения (от 30 до 40 тонн), широкий, с закруглённым носом и кормой, одним квадратным парусом и рудиментарным рулём. Такой корабль подходил для плаваний по Северному морю в любую погоду, был способен заходить даже в маленькие бухты, но был маломанёврен. Особенно опасной для «кога» была встреча с манёвренной военной средиземноморской галерой, она шла на вёслах с большой скоростью, имела и таран, и катапульту, стрелявшую камнями. Английские капитаны предупреждали короля Эдуарда III о явном неравенстве сил. Генуэзский капитан Барбанера (Barbanera) просил французских адмиралов разрешить ему выйти в море и атаковать англичан своими галерами. Но адмиралы решили биться на суше, не зная, что именно этого и хотел английский король.

20 Французские адмиралы собрали все свои корабли в узком месте между дамбами, связали цепями, укрепили досками и лодками, нагруженными камнями. Англичане дождались прилива и благоприятного ветра и, имея солнце за спиной, пошли в атаку. В последний момент генуэзский капитан безуспешно пытался объяснить французским адмиралам, что их ждёт неминуемый разгром. Генуэзцы снялись с якоря и ушли. Исход сражения решила скорострельность английских лучников – они выпускали по 2–3 стрелы на каждую стрелу французских арбалетчиков. На кораблях шли рукопашные схватки, французские рыцари в тяжёлых доспехах тонули, едва упав в воду. Почти весь французский флот был уничтожен, погибли оба французских адмирала и тысячи моряков. В честь победы король Эдуард III начал чеканку золотой монеты – «нобля» (noble). На монете был изображён король на корабле среди волн. «Нобль» имел очень высокий курс – 6 шиллингов 8 пенсов (Seward, 1982, p. 42–47).

21 Мы видим из этих подробностей, что оценка Броделя, кажущаяся эмоциональной («...будучи стиснутой между морем и сушей, Франция отдавала предпочтение суше»), на самом деле полностью обоснована: не имея опытных моряков, Франция оказалась крайне уязвимой во время Столетней войны, повлекшей экономическую катастрофу.

22 С экономической точки зрения Столетняя война не должна была начаться – неравенство сил было очевидным. По подсчётам Дж. Р. Грина, «...в Англии едва ли насчитывалось более четырёх миллионов жителей, а во Франции их считалось двадцать... По численности и богатству французы далеко превосходили своих Ла-Маншских соседей» (Грин, 1891, т. 1, с. 317). Обычно принято считать, что благоприятные экономические предпосылки позволяют вести войну. На самом деле всё происходило иначе – военный

фактор был причиной позитивных финансово-экономических процессов, в том числе, чеканки английской золотой монеты.

23 Как отмечали немецкие нумизматы, чеканка «нобля» в Англии продолжалась многие десятилетия, общий вес монеты постепенно понижался с 8,97 до 7,97 грамма. Курс – 6 шиллингов 8 пенсов. В большом количестве «нобли» попали в Европу «...как платёжное средство и для возмещения убытков», в XIV–XVI вв. их копировали монархи разных стран, чеканя подобные монеты. Как отмечал нумизмат В. М. Потин, в русских летописях «нобли» именовались «корабленниками» («корабельниками»). Известен уникальный экземпляр русского подражания английскому «ноблю», чеканенный великим князем Иваном III (Фенглер и др., 1993, с. 218–219).

24 Современные российские исследователи Е. В. Глазунова и И. В. Ширяков изучали внеэкономическое использование монет на Руси и отметили: «В советской историографии подобный подход не приветствовался. Основываясь на материалистическом понимании истории, она рассматривала монету прежде всего как форму денег». Напротив, можно исследовать монету как «...деталь украшения, амулет, памятный или наградной знак». С этих позиций авторы обратили внимание на английские «нобли» и их континентальные подражания в Северной Европе. «Нобли» были известны на Руси как «болшие» [без мягкого знака!] золотые монеты, чаще их называли «золотыми корабленными», или просто «корабельниками». «Корабельники» противопоставлялись «золотым меньшим» типа флорина или немецкого гульдена, такие монеты новгородцы поднесли на пиру в 1475 г. в дар великому князю Ивану III (Глазунова, Ширяков, 2007, с. 108, 115).

25 Такие отдалённые последствия имела почти неизвестная у нас морская битва при Слейсе, давшая англичанам господство на море в Столетней войне. За разгромом на море при Слейсе (1340 г.) последовали разгромы французского рыцарского войска на суше – при Креси (Сресу, 1346 г.) и Пуатье (Poitiers, 1356 г.). Французский король Иоанн II Добрый (Jean le Bon) (1350–1364) попал в плен к англичанам и умер в Лондоне.

26 Король Карл V, прозванный Мудрым (le Sage), управлял Францией с 1356 г. как регент, но официально занимал престол в 1364–1380 гг., сумел подобрать способных помощников, шаг за шагом вывел Францию из почти что катастрофического положения. Одним из наиболее крупных его полководцев был коннетабль (главнокомандующий) Бертран Дюгеклен (Bertrand du Guesclin).

27 Бродель подчёркивал значение Дюгеклена, но уточнял, что в 1369 г. «обстановка на море изменилась» благодаря галерам короля Кастилии Энрико Трастамары, посланным на помощь Дюгеклену. «Они-то огнём своих бомбард (новинка по тем временам) и разгромили английский флот на рейде Ла-Рошели (1373 год). Эта победа облегчила отвоевание областей Пуату, Сентонж и Ангума» (Бродель, 1994, с. 285).

28 Итак, удачный дипломатический союз и применение новейших военных технологий (а отнюдь не обострение классово-борьбы) резко изменили ход Столетней войны.

29 Последующий новый перелом – снова в пользу англичан – в начале XV века был связан с личностным фактором: в Англии к власти пришёл необычайно энергичный и способный король Генрих V (1413–1422), а во Франции наступил полный паралич власти, вызванный психическим заболеванием короля Карла VI (1380–1422), прозванного Безумным (le Fol).

30 Демографическая катастрофа конца Средневековья была не замечена советскими медиевистами. В то же время Бродель, давший ссылки на труды других специалистов по демографии, статистике и экономической географии, согласился с оценкой историка Ги Буа (G. Bois): «бездонная пропасть», или «Хиросима», «катастрофа, произошедшая с французским и европейским населением в 1350–1450 гг. под влиянием трёх факторов: голода, чумы и Столетней войны. Франции, как и всему Западу, потребовалось не меньше столетия (1450–1550), а то и все двести лет (1450–1650), чтобы зарубцевалась эта глубокая, зияющая рана: четверть, треть, половина, местами до семидесяти процентов населения было

сметено с лица земли». С 950 по 1350 г. происходил «медленный подъём, с учётом различных благоприятных обстоятельств», и с 1350 по 1450 г. – «стремительный (во всяком случае, сравнительно) спад», «падение происходило примерно в четыре раза быстрее, чем подъём. Подобные асимметрии в порядке вещей, теряют всегда быстрее, чем приобретают». Период с 950 по 1450 г. – «долгий многовековой автономный «биологический» цикл, по нашему мнению, наиболее яркий цикл такого типа во всей нашей истории, с характерной асимметрией, которая в какой-то степени подтверждает его подлинность...» (Бродель, 1995, с. 116–117, 207).

31 Интересно отметить, что советские медиевисты оценивали позитивно XV век – как эпоху, когда выросло французское средневековое государство. В 1470-х гг. был-де «несомненный рост производительных сил в стране», но «укрепление феодального государства во Франции, как и в других странах, происходило за счёт возростающей эксплуатации народных масс» (Всемирная история, т. III, с. 650, 653).

32 То, что французское государство уцелело случайно в конце Столетней войны благодаря народно-религиозному движению Жанны д'Арк, её военным талантам, – во внимание не принималось. Жанну д'Арк понимали крайне упрощённо, как «простую крестьянскую девушку», страдавшую «галлюцинациями». Французская знать и новый король Карл VII (1422–1461) не поддержали её, поскольку «...призрак Жакерии ещё витал перед глазами французских феодалов. Огромный авторитет Жанны среди народных масс казался всей королевской клике чрезвычайно опасным» (Всемирная история, т. III, с. 648–650).

33 Напомним, что Жанна д'Арк была захвачена в плен, и, будучи в заточении у англичан, осуждена инквизицией как якобы еретичка и сожжена живой на площади Старого рынка в Руане 30 мая 1431 г.

34 Советские медиевисты сильно упрощали ход событий. Как отмечают французские исследовательницы Р. Перну и М.-В. Клэн, Жанна д'Арк проявила значительные военные дарования, принимала правильные тактические решения, умела атаковать вражеские укрепления, наладила снабжение, установила во французских войсках строгую дисциплину и в 1429 г. битве при Патэ наголову разгромила английских рыцарей, взяв в плен их командующего – известного полководца Джона Тальбота, графа Шрюсбери. Именно благодаря успехам Жанны дофин-регент Карл де Понтё, чьи права многими оспаривались, был коронован в Реймсе в 1429 г. и стал законным французским королём Карлом VII. Кстати, король Карл VII в 1449 г. постановил начать пересмотр обвинительного процесса, осудившего Жанну в Руане в 1431 г., но в 1456 г. эти решения были торжественно аннулированы в том же городе Руане – с санкции папы Каллиста III. Карл VII изгнал из Франции мародёров, некоторых из них казнил, и в 1439 г. своим Орлеанским ордонансом «... заложил основы постоянной армии и создал отряды вольных стрелков – прообраз наших [французских] современных жандармов». С 1439 г. только король выбирал и назначал капитанов в гарнизоны – раньше это была прерогатива принцев и дворян. В 1436–1454 гг. король провёл судебную реформу, в том числе приказал отредактировать записи обычного права, восстановил судебную следственную палату и кассационную палату (Перну, Клэн, 1992, с. 36, 58–60, 68, 70–76, 80, 95–97, 242–251, 276, 311–313, 334–335, 434).

35 Итак, несколько выдающихся личностей, удачное, хотя и случайное стечение обстоятельств, разумные институциональные преобразования создали Францию как государство. Стоит вспомнить хотя бы юридически продуманный знаменитый англо-французский договор в Труа в 1420 г., навязанный англичанами. Этот договор создавал единое англо-французское государство под властью английского короля Генриха V, впрочем, вскоре, в 1422 г., умершего. Неудивительно, что советская «Всемирная история» вообще не упоминала договора в Труа – этот договор не укладывался в прокрустово ложе «классовой борьбы». Напротив, современная «Оксфордская иллюстрированная история Британии» называет договор в Труа «*extraordinary treaty*» («выдающимся договором»), который создал «*the dual monarchy*» («совместную (двойственную) монархию»), её формальным главой с 1422 г. был ребёнок (*baby*) – английский король Генрих VI. Согласно опубликованной карте, в 1420 г. англичане завоевали весь север и северо-запад Франции (с Нормандией и Парижем),

весь юго-запад и почти весь юг Франции. Лишь узкая полоса центральной Франции и её юго-восток ещё оставались независимыми (The Oxford..., 1997, p. 201–202).

36 Подчеркнём – именно военные успехи создавали экономические возможности, а не наоборот. Например, англичане, захватив в 1419 г. французский город Руан, стали использовать его монетный двор, где в 1433–1444 гг. чеканили золотую монету «salut d’or» (3,50 грамма) своего юного короля Генриха VI, которого считали также и королём Франции (>>>>). В Руане чеканили и другую, серебряную, монету Grand Blanc aux Escus (3,0 грамма) англо-французского короля Генриха VI – с эмблемами английского леопарда и французской лилии (>>>>). Парижский монетный двор также использовался англичанами, где они чеканили монету Генриха VI типа традиционного французского серебряного «денье» (Фенглер и др., 1993, с. 92). Серебряный Grand Blanc Генриха VI (2,66 грамма) чеканился в Париже (>>>>).

37 Таким образом, создание сверхгосударства (Англии с подчинённой ей Францией) было подготовлено с финансово-экономической стороны. Были продуманы даже идеологические тонкости – английские монеты, чеканившиеся в завоёванной Франции, имели привычные французские названия и надписи по-латыни. Был решён и вопрос организации власти – от имени недоразвитого и временами впадавшего в беспамятство английского короля Генриха VI правили его наместники – энергичные и опытные английские военные. Однако вся эта продуманная система оказалась бессильной против движения Жанны д’Арк и пробуждения французского патриотизма.

38 Советские медиевисты не учитывали влияние нравственных идей и не принимали во внимание даже многовековое почитание Жанны д’Арк во Франции. Уже в XX веке, в 1909 г., папа римский Пий X беатифицировал Жанну д’Арк, а в 1920 г. папа римский Бенедикт XV канонизировал её к радости французских католиков. 10 июля 1920 г. Франция, победительница в Первой Мировой войне, официально учредила «праздник Жанны д’Арк, праздник патриотизма» (la fête de Jeanne d’Arc, fête du patriotism) (сканерная копия акта размещена на сайте >>>>). Праздник отмечается во 2-е воскресенье мая (>>>>).

39 Советская наука, исходя из марксистского отношения к церкви, пренебрежительно считала церковь малозначащей разновидностью «надстройки», не достойной сравнения с «базисом». При этом не учитывалось, что во многих странах церковь занимала гораздо более значимое место. Кроме того, в советской науке господствовал перечень пяти «социально-экономических формаций», завершившихся построением коммунизма, и история всех стран искусственно подгонялась под эти формации, упрощалась и представлялась чуть ли не линейным процессом.

40 Однако Бродель вслед за Канлиффом предложил смотреть на историю (в том числе и экономическую) не как на простой поступательный процесс, не как на движение к прогрессу, а как на циклические колебания, развивающиеся одновременно и по нескольким, зачастую ещё не выявленным закономерностям.

41 Теперь обратимся к концепции Ф. И. Успенского. Фёдор Иванович Успенский (1845–1928), как указывает сайт РАН, в 1916 г. стал ординарным академиком по историко-филологическому отделению (т.е. истории и политических наук) (>>>>). В 1894–1914 гг. он возглавлял Русский Археологический Институт в Константинополе и тесно взаимодействовал и с российским МИД, и с образованными греческими кругами.

42 Особое внимание Ф. И. Успенский уделял мерам площади, веса, объёма, вычислял их математические соотношения, изучал вопросы дипломатии, демографии, идеологии, экономической географии, обменных курсов валют. Можно считать, что его метод предвосхитил метод Броделя.

43 Ф. И. Успенский указывал: «На самом деле история не имеет прямолинейности в своём движении, не представляет закономерного течения вперёд, а напротив, часто делает скачки и останавливается в своём движении. Нет личности, которая была бы вполне равна другой; есть личности, труднообъяснимые из окружающей их обстановки. Если устранить из

истории влияние личности, то останутся неразгаданными самые крупные в ней события» (Успенский, История Византийской империи VI–IX вв., 1912, 1996, с. 264).

44 Легко заметить, что и концепция Ф. Броделя, и концепция Ф. И. Успенского одинаково требуют и очень серьёзных знаний, и свежести ума. Напротив, люди поверхностного образования скорее предпочтут привычную советскую схему т. н. «социально-экономических формаций» или же схему неоклассического «мейнстрима». Обе схемы почти полностью игнорировали то, что выходило за рамки узко понимаемой экономики.

45 Можно считать синонимами понятие «многовековых циклов» по Ф. Броделю и понятие «скачков» развития по Ф. И. Успенскому.

46 Ф. И. Успенский обращал внимание на постепенное нарастание экономических симптомов, грозивших государству гибелью. Напомним, что в 1204 г. Византийская империя пала, когда огромный мегаполис Константинополь был захвачен и разграблен католиками-крестоносцами (в основном – венецианцами и выходцами из Северной Франции). На развалинах Византии крестоносцы основали недолговечную Латинскую империю в Константинополе (1204–1261 гг.) и ряд рыцарских княжеств в Пелопоннесе, материковой Греции и на островах Эгейского моря. Греки утвердились в городе Никея в Малой Азии, откуда продолжили борьбу с крестоносцами и в 1261 г. отбили Константинополь, тем самым восстановив Византийскую империю.

47 Ф. И. Успенский, говоря уже о XIV веке, отмечал: «Несмотря на относительную безопасность Константинополя в XIV веке, несмотря на несомненную духовную работу..., процесс упадка Византии развивался неудержимо. Важнее всего было обеднение государства и страны, немедленно отразившееся на состоянии вооружённых сил. С переездом двора в Константинополь, с разорением долины [реки. – Н. С.] Меандра турками погибло громадное хозяйство никейских царей, покрывавшее чисто государственные расходы. Политические договоры с генуэзцами и венецианцами отдали вывоз и ввоз, отчасти и розничную торговлю, в итальянские руки. Покровительство туземной торговле и местной промышленности было забыто. Непосредственные торговые сношения итальянцев с Трапезунтом, генуэзскую Кафою в Крыму, с Сирией, Кипром и Египтом погубили бывшее значение Константинополя как складочного и распределительного центра, регулятора цен на Леванте... Туземные ремёсла и искусства в XIV веке оживились в сравнении с XIII веком, но многие производства замерли совсем (перегородчатая эмаль, отдельные категории мануфактур), и веками созданные навыки были утрачены» (Успенский, История Византийской империи XI–XV веков..., 1997, с. 525–526).

48 Таким образом, катастрофа 1453 г., окончательное падение Константинополя, его захват и разграбление турками-османами, создание огромной Османской империи, начавшей экспансию и в Европу, и на Ближний Восток, – все эти события подготавливались исподволь. Дело не только в крайнее неблагоприятном демографическом соотношении между греками и турками, но и в ослаблении внутренних сил возрождённой Византии – от утраты прежней мировой посреднической торговли до упадка ремёсел, от ослабления собственных вооружённых сил до появления торговых высокоорганизованных мигрантских анклавов (венецианских и генуэзских). Именно совокупность факторов, или сочетание колеблющихся переменных величин, со временем привели к трагическому итогу – исчезновению тысячелетней Византийской (Восточно-Римской) империи.

49

3. Концепции В. О. Ключевского, С. Я. Лурье и М. И. Ростовцева также опровергают концепцию М. Вебера

50 Традиционные западноевропейские и американские подходы исходят из гипотезы, что родиной технологий могут быть только образцово капиталистические страны – Западная Европа и США. Соответственно, демократия и рыночная экономика в их узком, западном понимании объявляются необходимым фундаментом для технологического развития. Такая исходная мировоззренческая установка приводит к стереотипному восприятию фактов и к изложению истории экономики как к набору готовых клише. Например, история развития техники и смены технологических укладов сводится к истории, например, мануфактур в Великобритании, концерна Круппа в Германии, Форда – в США.

51 Всё предшествующее развитие воспринимается как прелюдия на пути к торжеству долгожданного прогресса. Российские технологии (дореволюционные, советские или современные), как нечто малопонятное и недемократическое, как правило, игнорируются. Например, Макс Вебер в «Истории хозяйства» утверждал: «Государство в рациональном смысле существует только на западе Европы». Отсюда следовал и такой вывод: «...союз между государством и формальной юриспруденцией косвенно содействовал развитию капитализма» (Вебер, 1923, с. 212, 214).

52 В «Протестантской этике» Вебер был категоричен: «Вообще «государство» как политический институт с рационально разработанной «конституцией», рационально разработанным правом и ориентированным на рационально сформулированные правила, на «законы», с управлением чиновников-специалистов, известно только Западу...». За «другими культурами» Вебер снисходительно признавал лишь «начатки» государства и капитализма (Вебер, 1972, ч. 1, с. 20).

53 При таком чисто идеологическом сужении предмета исследования конечный вывод заранее преопределён: США и страны Европы добились технологического и экономического прорыва потому, что должны были этого добиться. Античное наследие, к которому ни США, ни страны Европы прямого отношения не имеют, воспринимается лишь как музейный экспонат, не имевший никакого экономического значения.

54 Во многом именно такую концепцию изложил Макс Вебер в своей «Истории хозяйства»: «...все характерные для современного капитализма институты отнюдь не вытекают из римского права: рентовые бумаги (долговое обязательство, военный заём) возникли из средневекового права под влиянием германской правовой мысли». Вексель, по Веберу, был «...создан арабским, итальянским, германским и английским правом», торговое товарищество – это «продукт средних веков» и т. д. (Вебер, 1923, с. 214).

55 Но известный знаток античности советский историк и филолог профессор Соломон Яковлевич Лурье (1890–1964) доказал противоположное – вексель широко применялся в Древней Греции, например, в Беотийском союзе городов-государств. Беотия (по-гречески Βιοτία) – это область к северу от Афин. Беотийский союз имел семь должностных лиц – т. н. «беотархов», а каждый город, входивший в союз, ещё и трёх собственных чиновников – «полемархов». Лурье рассмотрел взаимодействие местной бюрократии с нотариатом в III веке до н. э. на примере именно вексельных операций. У местных казначеев велись журналы-реестры, указывались суммы долга и законных процентов, в судах выступали свидетели и давали показания об обстоятельствах заключения долгового обязательства, существовали и казённые нотариальные документы, и долговые обязательства города-должника с переоформлением их на новый срок. Применялся и вексель на предъявителя. Были термины, обозначающие тех, кого сегодня называют рантье, т. е. людей, живших на проценты с капитала (Лурье, 1938, с. 77–79).

56 Вебер не знал ни древнегреческого, ни египетской клинописи, предпочитая пояснять по-немецки, что именно, по его мнению, значили те или иные древнеегипетские термины. Например, в «Аграрной истории Древнего мира» Вебер считал, что древнеегипетские «номархи» – это *Gaukönige* («областные короли») (Вебер, 1925, с.92). Вебер использовал немецкий средневековый термин *Gau* («округ, область»), вскоре применённый и в фашистской Германии (гауляйтер). Однако немецкий *Gau* был административным термином с чёткими границами, а номы Древнего Египта были цепочкой

оазисов, зависевших исключительно от природно-экономических условий – от реки Нил, её водного режима. Иссущение климата и постепенное наступление пустыни суживали территорию оазисов – сейчас этим занимаются палеоклиматологи и археологи Франции. Таким образом, номарх – отнюдь не король, а управляющий крупным устойчивым оазисным хозяйством, или высокопоставленный бюрократ. Буквально номарх по-гречески – не король, а всего лишь «областной начальник».

57 К сожалению, современные компьютерные программы далеко не всегда позволяют воспроизвести греческие термины. Поясним, что указанное у С. Я. Лурье древнегреческое наименование казённых нотариальных документов можно прочесть по-русски как «димóсии хриматизмí» [дословно – «народные или общественные промыслы, обороты»]. Однако необходимо пояснить, что греческая «дельта» читается не как русское «д», а как английское сочетание th в определённом артикле the. Вексель, или официальный документ, имеющий силу исполнительного листа, произносился как «иперимерíа» [дословно – «день сверх срока», просрочка платежа, потеря залога]

58 Античное, а затем и греко-римское наследие полностью не исчезло, но было унаследовано Византией, которая считала себя Ромэйской («Римской») империей вплоть до гибели в 1453 г. Средневековая Россия заимствовала у Византии (Восточно-Римской империи) целый ряд юридических норм, регулирующих экономическую жизнь, организацию вооружённых сил, и даже ряд институтов власти.

59 В. О. Ключевский подробно доказал, что «Русская Правда», или средневековый свод русского права, был составлен под явным византийским влиянием, многие разделы переведены с греческого. «Наконец, и внешним своим видом Русская правда указывает на связь с византийским законодательством», когда кодификация производилась «...по византийским образцам» (Ключевский, т. I, с. 216–222). Позднее, из-за брака великого князя Ивана III с Софией Фоминичной Палеолог (1472 г.), племянницей последнего византийского императора Константина XI, «...в московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам удельных веков». Софья Палеолог влияла на многие государственные дела, не забыв своё византийское происхождение: в 1498 г., после 26 лет замужества, она именовала себя «царевною царегородскою», а не великой княгиней московской. С конца XV века на печатях московского государя «...появляется византийский герб – двуглавый орёл» (Ключевский, т. II, с. 114–122).

60 Таким образом, и современный герб Российской Федерации (двуглавый орёл) ([>>>>](#)) имеет более чем полутысячелетнюю историю, уходя корнями в позднюю Византийскую империю Палеологов.

61 «Энциклопедический Словарь» Брокгауза и Ефрона упоминал, что самое старое изображение двуглавого орла найдено на мраморной плите в Ксиропотамском монастыре на Афоне. Двуглавый орёл символизировал единство Западной и Восточной Римской империй, одна глава была обращена на запад, другая – на восток. «Такой орёл впервые был принят Константином Великим или Юстинианом I», т. е. либо в начале IV, либо в начале VI века – при переходе к Средневековью. В Россию двуглавый орёл был принесён Софией Палеолог и уже в 1497 г. был изображён на российской государственной печати. «Таким образом, двуглавый орёл появляется в России как в государстве, родственном Восточно-Римской империи и сохранившем принятую от Византии православную веру. Позже он служил ещё эмблемою нераздельности европейской и азиатской России» (Энциклопедический словарь, 1903, т. IX, с. 412).

62 Сходное объяснение находим и у современного греческого исследователя К. Хатзиантониу. Он пишет, что греческая Трапезундская империя (1204–1462 гг.), владевшая черноморским побережьем Малой Азии и частично – Крымом, с 1261 г. имела в качестве герба одноглавого орла, устремлённого на Восток. Это считалось символом притязаний династии Комнинов на Малую Азию (Хатзиантониу, 1999, с. 305).

63 Подытоживая, можно считать российского двуглавого орла именно византийским символом государственного единства.

64 Византийский «Крестьянский закон» (по-гречески «Номос георгикос») «... независимо от своего местного значения, получил ещё важность в науке вследствие того, что его встречаем в древних русских юридических сборниках, рядом с переводными с греческого статьями, где он превратился в Устав о земских делах Ярослава Мудрого» (Успенский, История Византийской империи. Период Македонской династии..., 1997, с. 494).

65 Кроме того, славянский перевод византийской хроники начала IX века «Летописца краткого» Никифора, патриарха Константинопольского (806–815 гг.), – «...во многом определил хронологические системы древнеславянских летописей». «Летописец краткий» (по-гречески «Хронографикόν σύντομον») – это общая хронологическая таблица, начиная с Ветхого Завета, со списками римских и византийских императоров, патриархов и пап (Бибииков, 1989, с. 91–92).

66 «Принцип неприкосновенности послов, возникший в ранней Византии, был усвоен всеми средневековыми государствами. На этой почве появилось даже нечто вроде права убежища в посольствах... И тем не менее, есть все основания для заключения, что по крайней мере до латинского завоевания в начале XIII века византийская дипломатия оставалась в течение столетий, истекших с IV века, самой развитой, разветвлённой и упорядоченной в средневековой Европе и на Ближнем Востоке» (Удальцова, 1989, с. 250, 275).

67 Наконец, «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого (886–912), или свод военных и военно-юридических норм, привлёк внимание русского царя Петра I и в 1700 г. был переведён на церковнославянский язык. Как отмечал российский византист профессор В. В. Кучма (1938–2011) (не путать с украинским однофамильцем!), в результате возможно проследить «...явное влияние норм византийского военно-дисциплинарного кодекса» из «Тактики» Льва VI на первый русский военно-уголовный кодекс, или «Артикул воинский с кратким толкованием». Этот «Артикул» составил 2-ю часть «Воинского устава», утверждённого Петром I в 1716 г. «Артикул» применялся в России в военное время до 1812 г., в мирное время – до 1839 г.: «...перед нами уникальный образец культурно-исторической традиции, перерастающий национальные и хронологические рамки и в итоге рождающий феномен, поражающий воображение: принципы, освещённые ореолом славной старины в Византийской империи времён Велизария и Маврикия [т. е. VI века. – Н.С.], будучи заимствованными на русской почве через посредство «Тактики» Льва, ещё сохраняли свою жизнеспособность во времена Кутузова и декабристов» (Кучма, 1989, с. 277, 288–289).

68 Теперь обратимся к наследию М. И. Ростовцева. Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952), с 1917 г. российский академик по отделению исторических наук и филологии (>>>>), а уже в эмиграции с 1935 г. – президент Американской исторической ассоциации, почётный профессор Йельского университета. Он писал свои труды по-русски, затем их переводили на английский и издавали в Оксфорде и Кембридже. Его личный архив хранится в библиотеке Йельского университета в США – это фотографии, рукописи и заметки на разных языках, в том числе на английском, французском и греческом (>>>>). Именно в архиве Йельского университета в 1996 г. Г. М. Бонгард-Левин обнаружил рукописи М. И. Ростовцева, легшие в основу его глав в англоязычной «Кембриджской древней истории». Англоязычная Википедия даёт подробную справку о М. И. Ростовцеве с библиографией его трудов и публикаций о нём (>>>>). Электронная «Британская энциклопедия» называет его «...одним из наиболее влиятельных авторитетов 20-го столетия в области истории Древней Греции и Рима, в особенности, их экономического и социального аспектов» (>>>>).

69 Из-за того, что М. И. Ростовцев эмигрировал в США, его имя в советские годы почти не упоминалось. Тем более важен сводный том трудов М. И. Ростовцева, подготовленный и опубликованный Г. М. Бонгард-Левиным в 2003 г.

70 Ростовцев отмечал древние истоки «торговых фирм» и «корпораций». Говоря о III–

II вв. до н. э., Ростовцев отмечал, что «...вне Финикии купцы отдельных городов выступали и в Афинах, и на Делосе, и в Италии как сплочённые группы – настоящие корпорации... Отныне финикийские города были не подручными Александрии, а её яркими конкурентами» (Ростовцев, 2003, с. 379).

71 Таким образом, выводы и фактический материал, опубликованный С. Я. Лурье (в СССР) и М. И. Ростовцевым (в дореволюционной России и в США), позволяют реконструировать совсем другую, нежели у Макса Вебера, историю хозяйства. Мы видим необычайный экономико-технологический взлёт древнего мира, значительный уровень развития, который позднее, при переходе к европейскому раннему Средневековью, был почти полностью утрачен.

72 Представление о древнем мире как об экономически отсталом – совершенно поверхностное. Например, столицей эллинистического Египта IV–I вв. до н. э. был мегаполис Александрия, что предполагало наличие развитой системы городского хозяйства, снабжения и многоуровневой бюрократии. Страна делилась на «номы» (области, округа), а те, в свою очередь, на «топархии» (типа уезда или маленького района), наконец, на «комархии» (типа деревень со старостами). Эллинистический Египет управлялся греческой династией Птолемеев, при которой сосуществовали и греческие, и египетские культуры. Египет обладал мощным флотом и чеканил собственные монеты – за многие века до вторжения арабов.

73 М. И. Ростовцев считал, что «вся работа статистического характера» контролировалась бюрократией, под руководством греческих инженеров работали египетские техники: «Для Птолемеев это увеличение площади обрабатываемой земли и большая регулярность урожаев, стоявшая в связи с хорошим состоянием каналов, насыпей и бассейнов, были вопросом жизни и смерти». Особое внимание уделялось внешней торговле, ставшей «...мировой в тогдашнем смысле слова. Продукты Египта можно было найти и в Китае, и в Индии, и в Центральной Африке, и далеко на Западе: в Северной Африке, Испании, Британии, Галлии, в степях юга России и в Центральной Азии». При этом «банк» («трапеза») и «хлебный склад» («фисаврós») стали «...центрами деловой жизни и одним из самых популярных учреждений в стране. Право открывать банки в птолемеевское время принадлежало, однако, исключительно, государству». «При их [банках] помощи производились платежи государству, переводы денег и зерна с одного счёта клиентов банка на другой. У богатых деловых людей текущие счета имелись не только в месте их постоянного пребывания» (Ростовцев, 2003, с. 331, 334, 336, 340).

74 Можно заметить цикличность развития, если сравнить цветущее состояние эллинистического Египта с гораздо более поздними временами Средневековья и Нового Времени, с временами арабского завоевания, с тиранией мамлюков (1250–1517 гг.), затем – с тиранией османов, когда состав египетского населения резко изменился, а о мировом значении Египта не приходилось и говорить.

75 В Египте Птолемеев проводилось и т. н. «планирование урожая», но суть его становится ясной только после тщательного изучения папирусов, чем особенно заняты в Кембриджском университете: «Иногда вновь найденный папирус (даже сравнительно частного порядка) может разрушить концепцию, которая существовала десятилетиями и была основана на многих, ранее известных документах. Так, например, случилось с концепцией «планирования посевов» в сельском хозяйстве птолемеевского Египта. Ранее считалось, что такой «план» спускался на места сверху, из Александрии. Однако после опубликованного в 1954 г. папируса, хранящегося в США (в Йельском университете) и касающегося расписания посевов в одной из топархий Арсиноитского нома, стало ясно, что расписание составлялось на местах, а потом уточнялось и утверждалось в Александрии» (Кошеленко, 1982, с. 167, 172, 214, 224).

76 Таким образом, приходим к важному выводу: плановая экономика, которую часто считают атрибутом социализма, на самом деле существовала и в древности. Разумеется, такой вывод противоречит устоявшимся представлениям. Однако отказ от стереотипов при

экономическом анализе позволяет принимать верные, хотя и нестандартные, решения и в современную эпоху.

⁷⁷ Теперь вновь обратимся к трудам академика Ф. И. Успенского. Он изучил папирусы VI века н. э., обнаруженные в Египте и опубликованные французскими археологами в 1908–1912 гг. Речь шла о переходной эпохе (между римской и византийской), о Верхнем Египте, провинции Фиваида, коме (или деревне) Афродиты. Эта деревня зависела административно от чиновника в соседнем городе Антеополе, но имела привилегию самостоятельно собирать налоги и вносить их непосредственно в центральную кассу провинции. Из мелких счетов и квитанций комы Афродиты видно, что она имела свой орган управления – из старшин (протокомитов). Византийский император Юстиниан своим эдиктом (распоряжением) в 551 г. подтвердил привилегии комы Афродиты непосредственно вносить подати в центральную кассу провинции (Успенский, История Византийской империи. Период Македонской династии..., 1997, с. 490–491).

⁷⁸ Сопоставляя труды Г. А. Кошеленко и Ф. И. Успенского, можно прийти к выводу об институционально-экономической преемственности в Египте на протяжении многих веков – от Птолемеев до ранней Византии, когда местные хозяйственные единицы (топархии и комы) сохраняли налоговую и предпринимательскую автономию. Это происходило за тысячу лет до появления немецкого городского права XVI века, которым гордился Макс Вебер, считая именно Реформацию основой капитализма.

⁷⁹

4. Выводы

- ⁸⁰ 1. Необходимо отказаться от западно-центричного восприятия истории экономики и институционального развития, наиболее наглядно представленного в трудах Макса Вебера. Его концепция опирается только на узкий опыт Западной Европы и США, игнорируя фактический материал по другим частям мира, и, по сути, не учитывает цикличности развития мировой экономики и технологий.
2. Отказ от западно-центричного восприятия истории экономики и институционального развития позволяет освободиться от навязываемого за рубежом скептически-пренебрежительного отношения к российскому опыту и российским возможностям, помогая объективно вырабатывать меры противодействия кризисным ситуациям.
3. Если принять за исходную установку концепцию «многовековых циклов» и «нисходящих кривых» (по академику Ф. Броделю) или концепцию «скачков» развития (по академику Ф. И. Успенскому), то даже недавние экономические кризисы, например, 2008 г., и современный кризис 2022 г. можно будет рассматривать не как трагический поворотный момент в истории мировой и отечественной экономики, а лишь как частный случай «нисходящей кривой» или, напротив, «скачка» развития.

References:

1. Бибииков, М. И. Развитие исторической мысли / М. И. Бибииков // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. / Ответственные редакторы член-корреспонденты АН СССР З. В. Удальцова и Г. Г. Литаврин. – Москва : Наука, 1989. – с. 89–128.
2. Бродель, Ф. Что такое Франция? Люди и вещи / Ф. Бродель ; пер. с фр. В. Мильчиной, С. Зенкина. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1995. (Braudel, Fernand. L'identite de la France. Les Hommes et les choses. – Paris : Armand-Flammarion, 1986.)
3. Бродель, Ф. Что такое Франция? Пространство и история. / Ф. Бродель ; пер. с фр.

- В. Мильчиной, С. Зенкина. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1994. – 406 с. (Braudel, Fernand. *L'identité de la France. Espace et histoire.* – Paris : Armand-Flammarion, 1986.)
4. Вебер, М. Аграрная история Древнего мира / Проф. Макс Вебер ; Пер. с нем. Е. С. Петрушевской ; Под ред. и с предисл. проф. Д. М. Петрушевского – Москва : М. и С. Сабашниковых, 1925.
5. Вебер, М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Макс Вебер ; Пер. под ред. И. М. Гревса. – Петроград : Наука и школа, 1923. – 240 с.
6. Вебер, М. Протестантская этика : Сборник статей / Макс Вебер ; Пер. и введ. М. И. Левиной. – Ч. 1. – Москва : ИНИОН, 1972.
7. Всемирная история. В 13 томах. Том 3. / Под ред. Н. А. Сидоровой (отв. ред.) и др. ; АН СССР, Ин-т истории и др. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 895 с.
8. Глазунова, Е. В. Русские монеты XIV–XV вв. с признаками внеэкономического использования : по материалам собрания ГИМ / Е. В. Глазунова, И. В. Ширяков // Нумизматический сборник ГИМ. Т. 18. – Москва, 2007. – с. 108–123.
9. Грин, Джон Ричард. История английского народа. В 4 томах. Том 1. / Джон Ричард Грин; Перевод с англ. П. Николаева. – Москва : Издание К. Т. Солдатенкова, 1891.
10. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 томах. Том 1. Курс русской истории. Ч. 1 / В. О. Ключевский ; Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина. – Москва : Мысль, 1987. – 430 с.
11. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 томах. Том 2. Курс русской истории. Ч. 2 / В. О. Ключевский ; Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина. – Москва : Мысль, 1988. – 446 с.
12. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 томах. Том 8. Статьи / В. О. Ключевский ; Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина. – Москва : Мысль, 1990. – 445 с.
13. Кошеленко, Г. А. Государство Птолемеев / Г. А. Кошеленко // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма) / Под редакцией проф. В. И. Кузищина. – Москва : Изд-во МГУ, 1982. – с. 157–182.
14. Кучма, В. В. Военно-теоретическая мысль / В. В. Кучма // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. / Ответственные редакторы член-корреспонденты АН СССР З. В. Удальцова и Г. Г. Литаврин. – Москва : Наука, 1989. – с.276–295.
15. Лурье, С. Я. К организации нотариата в греческой митрополии / С. Я. Лурье // Вестник Древней Истории. – 1938. – №2 (3). – с. 66–79.
16. Перну, Режи́н. Жанна д'Арк / Р. Перну, М.-В. Клэн. ; Перевод с французского. – Москва : Прогресс : «Прогресс-Академия», 1992. – 560 с. (Clin, Marie Véronique. *Jeanne d'Arc / Régine Pernoud, Marie-Véronique Clin.* – [Paris] : Fayard, Cop. 1986. – 447 p.)
17. Ростовцев, М. И. Парфянский выстрел / Под общ. ред. академика РАН Г. М. Бонгард-Левина и Ю. Н. Литвиненко; Рос. акад наук. Ин-т всеобщ. истории РАН и др. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 760 с.
18. Удальцова, З. В. Дипломатия / З. В. Удальцова // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. / Ответственные редакторы член-корреспонденты АН СССР З. В. Удальцова и Г. Г. Литаврин. – Москва : Наука, 1989. – с.241–275.
19. Успенский, Ф. И. История Византийской империи VI–IX вв. / Ф. И. Успенский. – [СПб.,

1912] Москва : Мысль, 1996. – 827 с.

20. Успенский, Ф. И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057) / Ф. И. Успенский. – Москва : Мысль, 1997. – 527 с.

21. Успенский, Ф. И. История Византийской империи XI–XV веков. Восточный вопрос / Ф. И. Успенский. – Москва : Мысль, 1997. – 829 с.

22. Фенглер, Х. Словарь нумизмата / Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер ; пер. с нем. М. Г. Арсеньевой [с 4-го нем. изд., Берлин, 1986 г.] ; отв. ред. В. М. Потин. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Радио и связь, 1993. – 408 с.

23. Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]: В 86 т. Т. 9. / Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. – СПб : Типо-литография И. А. Ефрон, 1903.

24. The Oxford illustrated history of Britain / Edited by Kenneth O.Morgan. – Oxford : New York : Oxford University Press, 1997.

25. Seward, Desmond. The Hundred Years War : The Engl. in France, 1337 - 1453 / Desmond Seward. – New York : Atheneum, 1982. – 296 p.

26. Хатзиантониу, Костас. Малая Азия. Древняя и средневековая история / Костас Хатзиантониу – Афины : Пеласгос, 1999. – т.1 [на греческом языке].

Экономическое развитие и его зависимость от внеэкономических факторов

Селищев Николай Юрьевич

*Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Нахимовский проспект, 47*

Аннотация

В статье предпринята попытка проанализировать ситуации, когда экономическое развитие оказывалось зависимым от внеэкономических факторов – миграционных, демографических, военных и других. Исследуются взаимосвязь менталитета и экономической политики, концепции академика Фернана Броделя о «многовековых циклах» и академика Ф. И. Успенского о «скачках» развития, концепции академика В. О. Ключевского, профессоров С. Я. Лурье и М. И. Ростовцева, противоречащие концепции Макса Вебера. Отмечается значение византийских институциональных традиций в России. Доказывается цикличность институционального и технологического развития.

Ключевые слова: многовековые циклы развития, скачки развития, византийское наследие в России

Дата публикации: 27.04.2022

Ссылка для цитирования:

Селищев Н. Ю. Экономическое развитие и его зависимость от внеэкономических факторов // Вестник ЦЭМИ РАН. – 2022. – Т. 5. – Выпуск 1.

URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s265838870019753-1-1/> DOI: 10.33276/S265838870019753-1